

«Каждый день рядом с этим человеком был для меня счастьем»

В день 90-летия первого Почётного гражданина Свердловской области Ивана Даниловича Самойлова о нём вспоминает его жена и верная спутница Анна Ивановна Самойлова

Ольга ГУРОВА

Мы знаем о нём немало. Пережив непонимание и даже гонения, он в последние десятилетия стал известным, уважаемым человеком: возродителем православных святынь, основателем уникального музея-заповедника деревянного зодчества и народного искусства в селе Нижняя Синячиха под Алапаевском, активным деятелем Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, народным депутатом СССР.

Каким он был среди самых близких людей, в той сфере, которую принято называть личной жизнью? Удалось поговорить об этом с Анной Самойловой, верной спутницей, которая более 60 лет, оставаясь в тени, несла вместе с мужем ношу подвижничества в отстаивании родных корней, защите национальной культуры.

— Анна Ивановна, Иван Данилович вырос в многодетной, работающей крестьянской семье. Отец был колхозным полеводом, земледельцем от Бога. В деревне Исаковой его очень ценили. Но в начале 30-х годов прошлого века над ним нависла угроза раскулачивания, выселения. Пришлось даже уехать на время, спрятаться. У Вани в справке для школы было написано: сын кулака. А вас обошла подобная участь?

— Родителей со мной, двухлеткой, выселили из деревни в Шадринском районе Курганской области. С эшелонам прибыли на станцию Монетная, оттуда — в бараки на Первомайский участок, где торф добывали.

Отец сиротой рос. На Монетке жену похоронил, маму мою. Про сиротство, труд детский, про голод и холод вспоминать тяжело. В начале войны, когда стало совсем невозможно, отец уступил договорам моих дед и бабушки с маминой стороны. Они увезли меня в Ивдельский район, дед там работал в колхозе. Потом переехали на станцию Коптелово. Квартиры не было. Сняли в соседней деревне Исаковой дом большой, холодный. Оказалось, наше жильё напротив дома Самойловых. Вана потом удивлялся: «И как это ты в Исаковой появилась? Видимо, знала, что там жених для тебя найдётся».

А жених ещё в армии был. В марте 1946 года приехал в отпуск. Я на тот момент в бухгалтерии лесосушарки работала. К нам Иван по какому-то делу зашёл. У меня косы были, в них ленточки розовые, простые тряпичные. Он потом говорил: «Я как глянул, у меня сердце ёкнуло. Но одёр-

При первых встречах храм был старым, а Иван — молодым. Потом они поменялись ролями

нул себя: девчонка молодая слишком». Ему уже почти 24 было, а мне 18.

Он уехал. В конце лета вернулся насовсем. Отказался от карьеры кадрового офицера. Родителям требовалась поддержка.

Меня бабушка послала помочь одной семье картошку на огороде выкопать. А Иван тем же занимался на своём огороде, по соседству. Мальчик, сын хозяйки огорода, на котором я работала, заметил: «Сын дедушки Данилы всё время в нашу сторону смотрит». А я ни разу не взглянула — работать ведь пришла.

На 7 ноября его сестра Нина (мы с ней сдружились) позвала меня в их дом на праздник. Помню, мы с Иваном у окна стояли, разговаривали. А о чём — не помню. Когда дождь собралась, он провожать вышел. А в сенках схватил в охапку и давай целовать.

...Когда ему 85 лет отмечали, он сказал: «Я помню, как Аннушку в первый раз поцеловал. Она не оттолкнула, значит, я ей безразличен был». А я тогда просто испугалась, оцепенела от неожиданности.

— Но ведь нравился он вам?

— Он не мог не нравиться. Мне кажется, он всегда хорошо выглядел. Аккуратный такой. Да ещё и кудри русые. И воспитанный, уважительный. Я тогда о замужестве не думала. И бабушка считала, что рано мне замуж. Но когда мама Ивана Таня Николаевна сватать меня пришла, бабушка сдалась: не каждый день такой хороший парень посватается.

Иван в Свердловск съездил, шёл крематорий мне на свадебное платье купил. Над ним посмеивались: куда такую махонькую берёшь? Он отшучивался: мне на ней не дрова возить.

— А воз-то вам по жизни достался немаленький!

— Сначала — как любой сельской женщине: хозяйство держали. У Вани ещё с фронта проблемы со здоровьем были. Ему молоко, сметана, свежие овощи требовались. Он на себя всегда брал заготовку сена. Остальное — моя работа.

Ваня закончил заочно Загорский землеустроительный техникум, потом в Москве в институте землеустройства ещё шесть лет учёбы. Мне нравилось, как они с сыном Колей вместе за столом сидят, с высшей математикой разбираются. Такие умные у меня мужчины! А я только бухгалтерским делом владела, хотя мечтала о медицине. Пусть бы не врачом, а хирургической сестрой стать. Но когда обстоятельства позволили пойти с заявлением и документами в медицинское училище, мне отказали: возраст вышел.

— Вы же, получается, принесли себя в жертву его делу. Не пожалели?

— Никогда! Мне его было жалко, что он так здоровье своё надрыгает. А себя — нет! Мы вслух в любви не объяснялись. Пожмёт тихонько ручку, скажет: «Аннушка ты моя». И это уже счастье. Первый и единственный, он мне и родителей заменил. Все дни рядом с ним были счастливые. А без него и настроение не то, и руки будто не мои. А придет — всё на места становится.

— Он же не только землеустроителем был, недаром его народным академиком называют...

— Конечно, он каждую свободную минутку старался свои знания пополнять, читал Рериха, Стасова, любил Паустовского. Книжки и покупал, и из больших библиотек выписывал. На одном из снимков мы альбом с репродукциями

Спасо-Преображенский храм в Нижней Синячихе

листаем. Это не для вида. Он всем со мной делился. Вместе смотрели диафильмы про Третьякову, Эрмитаж, Кижи. Пластинку с музыкой Вивальди слушали.

Пришли как-то свежие журналы («Архитектура СССР», «Декоративное искусство СССР»), а Иван в больнице. Я ему тут же вместе с домашней пищей духовную пишу несла. Прочла в районной газете, что благодаря Самойлову танцевальный коллектив ДК Металлургов получил диплом за танец «Уральская полька». Тут же Ивану сообщила.

Уральская домовая роспись — его конёк и его открытие. Он все дома в районе с расписными потолками, ставнями, дверями наперебей знал. И спас, что успел. А сколько лекций об этом явлении прочитал, статей написал. Московские искусствоведы опирались на его труды, семинары с его участием проводили. Он и по реставрации памятников архитектуры, можно сказать, профессором стал. Его то и дело звали куда-то посмотреть храм ли, дом ли старинный, посоветовать, как с ним быть.

Всё больше людей к нему тянулось. А самые большие надежды он возлагал на Спасо-Преображенский храм в Нижней Синячихе. Он его

называл «песней вечной любви» и был уверен, что как только покажется он в полной красе, у людей откроются глаза на мир прекрасного. Так оно и вышло.

Перед окончанием института он полгода не был дома — преддипломная сессия. Писал, что скучает. Я жила — дни считала. Наконец дождался. Поехали с Колей на мотоцикле встречать. Стрём меня в охапку, как в молодости. Коля рядом стоит, своей очередей ждёт. Стал Иван Данилович главным инженером-землеустроителем Алапаевского района. Дали нам квартиру в городе.

Родители свой дом продали. Впятером мы здесь разместились. Это надо было суметь.

— Везёт вам на типичное российское жильё: барак, рубленая изба, хрущёвка. А как жилось?

— Да неплохо. Дело не в метраже, а в отношениях. У отца, Данилы Николаевича, был очень хороший характер: всё решать миром. Ваня весь в него. Женщинам поладить труднее. Но если мы и спорили, то без мужчин. Их в свои проблемы не втягивали. Я уважала возраст Таньки Николаевны. Да и жалела её, сколько она страдалась. Двух сыновей потерять на войне! И за третьего, Ваню, хватило тре-

воги. И под пулями ходил, и в госпиталях лежал. А что жив остался, так это, я теперь думаю, его Бог специально уберег. Для большого дела.

Не зря ему Синячиха на глаза попала. Не мог он смотреть, как Спасо-Преображенский храм разрушается. Настоял, чтобы его под охрану взяли. И началось! Утром встанет, мотоцикл заведёт (мы его по специальному разрешению исполкома за 1063 рубля прямо с завода в Ирбите купили). Едет в Зырянку за 12 километров за каменщиками или жестянщиками, чтоб крышу крыть. Их надо отвезти в противоположную сторону, в Нижнюю Синячиху. И чтоб на работу вовремя успеть.

Когда Данила Николаевич умер, сестра настояла: отпеть надо. Иван в храм не заходил, пока его не позвали попроситься. А зашёл — деньги отдал, как полагается. Тётка церковная всё полностью записала: к отпеванию отца Самойлов И.Д. И адрес. А сведения эти раз в квартал поступали к партийному начальству.

Ага, попался Самойлов Иван Данилович! Отца отпел. Да ещё и церковь ремонтирует! Вот какие у нас коммунисты. Его из кабинета первого секретаря в кардиологию увезли. Ну скажите, какое он преступление сделал?

Позднее пришла ему путёвка в Карловы Вары. Чтобы поехать за границу подлечиться, надо было разрешение органов — и партии, и госбезопасности. КГБ разрешение дало, а первый секретарь райкома не подписал. Мол, надо ещё разобрататься, что за элемент поедет за границу. И зачем? Может, шпионить. Вот так и склоняли его, как прокляжённого.

— И всё же дождались вы, когда районное начальство не запрещало, а предлагало заниматься возрождением храмов.

— Да, Анатолий Дмитриевич Шмулей попросил Ивана Даниловича взяться за возрождение Свято-Троицкого собора в Алапаевске. Ваня пришёл домой возбуждённый и сообщил с порога, что не отказался. Ну и я, как декабристка...

Мне и раньше приходилось в церкви красить, мыть, чистить музейные экспонаты. А здесь доверили золочение семи больших крестов. Наносится лак мардан, на него накладываются листочки сусального золота и беличьей кисточкой разглаживаются. Двери, окна закрыли, чтобы движение воздуха не было.

— Душо же взаперти, запах лака.

— Я не замечала, мне это дело нравилось.

— Такое ощущение, что вы предпочитали оставаться взаперти. Так вам спокойнее и уютнее.

— Я при Иване Даниловиче старалась не высовываться. А без него распоясалась, вожи свои отпустила. Даже на одном собрании на сцену вышла, чтобы вручить письмо депутату Госдумы. И сказала при этом: «Посмотрите на меня, какая я дряхлая старуха перед вами стою. А мне хочется при жизни увидеть полностью отремонтированным храм, который вернул к жизни мой муж Иван Данилович Самойлов».

— Известно, что Русская православная церковь наградила вас орденом Святой равноапостольной княгини Ольги. Высокая награда!

— Есть ещё одна, не менее мне дорогая. Это запись, которую Ваня сделал в тяжёлую минуту, на больничной койке. Вот, читайте.

Я прочла: «В жизни мне сейчас ничего не надо. Только одно, чтобы я каждый день видел свою жену Анну Ивановну».

За плечами долгая жизнь, где главным был Ваня, Иван Данилович

«...Светлеет душа, когда думаешь, какой необыкновенный подвиг совершил он. И не надо бояться слова „подвиг“ — здесь оно соответствует своему смыслу: сорок лет жизни, изо дня в день, вопреки непониманию, сопротивлению стоявших у власти он спасал от гибели и забвения народное крестьянское искусство. И ни разу не отступил»

Дмитрий Лихачёв